

09.
Голосъ 1880 г.
№ 92.

НѢКОЛЬКО СЛОВЪ О КУЛЬДЖИНСКОМЪ ВОПРОСѢ.

(Письмо въ редакцію).

Несмотря на полное желаніе нашего правительства и общества исключительно сосредоточиться на врачеваніи внутреннихъ недуговъ, обнаруженныхъ въ общественномъ организмѣ нашей родины чрезвычайно грустными событіями послѣдняго времени, всетаки, на политическомъ международномъ горизонтѣ безпрестанно выступаютъ черныя пятна, приковывающія къ себѣ наше вниманіе и вызывающія со стороны Россіи особенную бдительность въ охраненіи своего достоинства и своихъ насущныхъ интересовъ. Такъ, весьма недавно дѣло о выдачѣ Гартмана поглощало на время вниманіе не только Россіи, но и всей остальной Европы. Печальный исходъ этого дѣла, обнаружилъ не только шаткость положенія нынѣшняго французскаго правительства, но доказалъ также полную неудовлетворительность современной постановки вопроса о выдачѣ политическихъ преступниковъ вообще.

Дѣло Гартмана пока должно считать поконченнымъ. Но на политическомъ горизонтѣ уже давно показалась другая черная точка, могущая, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, разрѣшиться въ серьезное международное столкновеніе. Эта черная точка—*кульджинскій вопросъ*.

Съ конца прошлаго года, извѣстія изъ Китая стали сообщать о томъ, что заключенный между Россіей и Китаемъ международный трактатъ относительно Кульджи не будетъ утвержденъ пекинскимъ правительствомъ; что подписавшій этотъ актъ китайскій уполномоченный Чунхоу арестованъ въ Пекинѣ, судился и даже уже казненъ; что, наконецъ, война между Россіей и Срединною Имперіей сдѣлалась неминуемою, такъ какъ русское правительство, ни въ какомъ случаѣ, не можетъ принять ни отказа китайскаго правительства утвердить заключенный договоръ, ни согласиться на какія бы ни было измѣненія.

Въ русской и иностранной печати подробно обсуждались обстоятельства этого чрезвычайно важнаго дѣла и высказаны были самыя разнообразныя, иногда замѣчательно смѣлыя соображенія. Повятно, что наше общество кульджинскій вопросъ интересуется больше всего, и оно стало относиться съ особеннымъ вниманіемъ къ извѣстіямъ изъ далекаго Китая. Однако, нельзя

стіемъ и съ вѣрнымъ пониманіемъ интересовъ Россіи относились къ этому вопросу.

Позвольте мнѣ представить на благосклонное вниманіе читателей вашей почтенной газеты нѣсколько соображеній и указать на тѣ обстоятельства, которыя могутъ освѣтить надлежащимъ образомъ возникшее съ Китаемъ затрудненіе. За достовѣрность сообщаемыхъ мною фактовъ я ручаюсь; объ основательности выведенныхъ изъ нихъ соображеній пусть судитъ читатель.

Всѣмъ извѣстно, что, въ сентябрѣ прошлаго года, состоялось въ Ливадіи подписаніе особеннаго трактата, заключеннаго съ Китаемъ относительно возвращенія этой державѣ Илійскаго Края на условіяхъ, выработанныхъ впродолженіи весьма долгихъ и трудныхъ переговоровъ между русскими уполномоченными и уполномоченнымъ китайскаго богдохана, Чунхоу, нарочно присланнаго въ Петербургъ для улаженія всѣхъ возникшихъ между Россіей и Китаемъ затрудненій. Такихъ затрудненій было весьма много, и они грозили совершеннымъ прекращеніемъ всей нашей торговли съ Китаемъ. Источникомъ же всѣхъ препятствій, мытарствъ и замѣшательствъ, впродолженіи нѣсколькихъ лѣтъ, былъ вопросъ о возвращеніи китайцамъ Кульджи, возникшій при слѣдующихъ обстоятельствахъ:

Впродолженіи многихъ лѣтъ китайское правительство вело отчаянную борьбу съ возставшимъ противъ него мусульманскимъ населеніемъ на западныхъ окраинахъ громадной Поднебесной Имперіи. Въ шестидесятихъ годахъ это возстаніе приближалось все болѣе и болѣе къ границамъ Россіи. Правительство же богдохана обнаруживало явное свое безсиліе усмирить взбунтовавшихся дунганъ, кашгарцовъ и таранчей, такъ что въ Илійскомъ Краѣ могло основаться почти независимое правительство подъ властью таранчійскаго султана. Но этотъ новый порядокъ вещей въ Илійской Долинѣ нисколько не обезпечивалъ безопасность русскихъ границъ, а, напротивъ, вызывалъ постоянныя нападенія на нашихъ купцовъ и территорію. И такъ какъ ни законное китайское правительство, ни власть временнаго владѣтеля Кульджою не были въ силахъ поддерживать порядокъ и безопасность на нашихъ границахъ, войска наши заняли, въ 1871 году, Илійскій Край. Впродолженіи девятилѣтняго пребыванія нашихъ властей въ томъ краѣ водворился полный порядокъ и замѣтно раз-

вилось благосостояніе этого, щедро одареннаго природою края.

Изъ приведенныхъ обстоятельствъ слѣдуетъ, что Кульджа Россіей не была ни завоевана силою оружія, ни пріобрѣтена въ собственность обыкновенными законными способами. Владѣніе Россіей этою областью имѣло, очевидно, характеръ временнаго занятія, вызваннаго крайнею необходимостью охранять свою собственную безопасность и свои насущные экономическіе интересы. О присоединеніи Илійскаго Края къ Россіи силою оружія и на правѣ завоеванія не могло быть рѣчи, потому что съ Китаемъ у насъ въ 1871 году не было войны. На этомъ основаніи, на вопросъ пекинскаго правительства, какія права приписываетъ себѣ Россія въ отношеніи занятаго Илійскаго Края, могъ послѣдовать только одинъ отвѣтъ: право *временнаго* занятія. Право *верховнаго и законнаго владѣнія* Китая никогда не было отрицаемо русскимъ правительствомъ. Напротивъ, оно положительно обѣщало возвратить занятый край, если пекинское правительство вознаградитъ его за понесенные убытки, дастъ ручательство, что законныя права Россіи, какъ пограничнаго государства, будутъ уважены, и если оно удовлетворитъ другимъ справедливымъ претензіямъ русскихъ подданныхъ и правительства.

Переговоры съ Китаемъ о возвращеніи Илійскаго Края получили положительную почву только съ того времени, когда Россія могла предположить, что китайское правительство желаетъ уважить законные наши интересы и намѣрено добросовѣстно относиться къ принятымъ на себя обязательствамъ. Это предположеніе могло возникнуть только съ момента прибытія въ Петербургъ такого важнаго сановника, какъ Чунхоу, занимавшаго должность члена совѣта иностранныхъ дѣлъ, предсѣдателя прокурорской палаты и младшаго попечителя наследника престола. Чунхоу, сверхъ того, былъ извѣстенъ, какъ бывший китайскій уполномоченный для заключенія восьми международныхъ трактатовъ и, наконецъ, его вѣрительная грамота не оставляла никакого сомнѣнія въ его полномочіи на вступленіе въ переговоры о кульджинскомъ вопросѣ.

Переговоры, по заключеніи договора, относительно возвращенія Илійскаго Края окончились осенью прошлаго года и привели къ подписанію формальнаго акта, на основаніи котораго Россія согласилась возвратить временно занятую ею

китайскую область на условіяхъ, обезпечивающихъ на будущее время безопасность нашихъ границъ съ этой стороны и дающихъ полное удовлетвореніе законнымъ интересамъ нашей торговли съ Китаемъ.

Посредствомъ заключенія этого договора, Россія исполнила данное обѣщаніе возвратить занятый ею въ 1871 году край и, вмѣстѣ съ тѣмъ, желала пріобрѣсти увѣренность, что прекратятся, наконецъ, тѣ нестерпимыя и безконечныя митарства, которыми китайскія власти систематически губили наши двухвѣковыя торговые сношенія. Можно было надѣяться, что честное и добросовѣстное отношеніе Россіи къ данному слову и справедливымъ претензіямъ китайскаго правительства упрочитъ искони существовавшія между Россіей и Китаемъ мирныя и добрыя отношенія.

Но, къ сожалѣнію, этой надеждѣ не суждено было оправдаться. При дворѣ богдохана анти-европейская и воинственная партія одержала верхъ надъ благоразуміемъ и сознаніемъ своего безсилія настолько, что Чунхоу, по возвращеніи въ Пекинъ, 21-го декабря прошлаго года, былъ арестованъ, отданъ подъ судъ за превышеніе власти при заключеніи договора и, кажется, не избѣгнетъ казни. Самый же договоръ отданъ на разсмотрѣніе особаго большого совѣта изъ чиновниковъ всевозможныхъ ранговъ и наименованій. Принятіе такой чрезвычайной мѣры китайское правительство объясняетъ тѣмъ обстоятельствомъ, что этотъ договоръ представляетъ первый примѣръ заключенія Китаемъ международнаго трактата не на китайской территоріи. Побѣдитель же дунганъ и кашгарцовъ, начальникъ западнаго края Поднебесной Имперіи, чрезвычайно вліятельный Цзо-цзунъ-танъ энергично высказывается противъ ратификаціи подписаннаго Чунхоу трактата относительно Кульджи.

Таковы факты, вызывающіе на многія размышленія. Прежде всего спрашивается: будетъ ли ратификованъ правительствомъ богдохана заключенный отъ его имени международный трактатъ? На этотъ вопросъ, съ точки зрѣнія интересовъ и достоинства Россіи, можно дать только одинъ отвѣтъ: это дѣло самого китайскаго правительства. Хочетъ — утвердить; если же нѣтъ, трактатъ останется клочкомъ бумаги и Илійскій Край останется въ нашихъ рукахъ. Совершенно ошибочно мнѣніе, что неутвержде-

ніемъ этого трактата китайское правительство нанесло оскорбленіе Россіи. Такое мнѣніе обнаруживаетъ полное незнакомство съ основными вопросами международнаго права. Каждое правительство имѣетъ несомнѣнное право давать свою ратификацію на подписанный его представителемъ трактатъ, или не давать ея. Исторія представляетъ намъ множество примѣровъ такихъ отказовъ въ ратификаціи. Императоръ Александръ I-й отказалъ, въ 1806 году, въ ратификаціи мирнаго трактата, заключеннаго отъ его имени съ Наполеономъ I-мъ; уашигтонское правительство отказало, въ 1869 году, въ утвержденіи договора, подписаннаго сѣвероамериканскимъ посланникомъ въ Лондонѣ, Реверди-Джонсономъ, и лордомъ Кларендономъ. Въ послѣднемъ случаѣ отказъ привелъ къ новымъ переговорамъ, окончившимся, въ 1871 году, заключеніемъ уже въ Уашигтонѣ новаго трактата по тому же вопросу, но несравненно болѣе выгоднаго для Сѣвероамериканскихъ Соединенныхъ Штатовъ.

Слѣдовательно, нельзя отрицать права пекинскаго правительства не утвердить заключеннаго Чунхоу трактата, подобно тому, какъ оно можетъ казнить и миловать всѣхъ своихъ чиновниковъ. Россія не имѣетъ ни малѣйшаго права вторгаться въ отношенія между китайскимъ высшимъ правительствомъ и его подчиненными. Только одного можетъ требовать Россія, съ точки зрѣнія права — чтобъ правительство богдохана ему объяснило, *почему* оно не утверждаетъ трактата. Пока не получено такого объясненія, очевидно, нельзя вступить съ китайскимъ правительствомъ ни въ какіе переговоры по тому же самому предмету. Если оно не утверждаетъ на основаніи того, что Чунхоу превысилъ свое полномочіе, то такое объясненіе можетъ быть принято. Но, въ такомъ случаѣ, удобнѣе было бы перенести переговоры въ Пекинъ, гдѣ высшее правительство на мѣстѣ и непосредственно можетъ участвовать въ нихъ. Такъ поступило англійское правительство въ 1869 году, послѣ неутвержденія уашигтонскимъ сенатомъ вышеупомянутаго трактата: оно перенесло центръ тяжести переговоровъ въ Уашигтонъ, и тамъ было достигнуто полное соглашеніе.

Насколько простымъ представляется настоящій вопросъ съ точки зрѣнія права, настолько же онъ сложенъ, если его перенести на почву политическихъ интересовъ. Съ послѣдней точки зрѣ-

нія, нельзя ограничиться разсмотрѣніемъ особенныхъ интересовъ одной Россіи; нѣтъ, кульджинское дѣло получило значеніе *общеевропейское и всемірное*. Русское правительство, соглашаясь на возвращеніе Илійскаго Края, дало лучшее доказательство своего желанія поддерживать съ Китаемъ искони существующія отношенія добраго сосѣдства. Если заключенный трактатъ не будетъ утвержденъ, то, разумѣется, Илійскій Край можетъ быть отнятъ у Россіи только силою оружія и послѣ ожесточенной борьбы.

Если, паче чаянія, китайское правительство рискнетъ войною противъ Россіи, положеніе подданныхъ *всѣхъ* европейскихъ государствъ въ предѣлахъ Китая сдѣлается совершенно невозможнымъ: они подвергнутся опасности поголовнаго избіенія. Никакъ не слѣдуетъ забывать, что вліятельнѣйшіе классы китайскаго общества проникнуты самою непримиримою ненавистью къ иностранцамъ. Въ настоящее именно время партія, ненавидящая иностранцевъ, празднуетъ полную побѣду при пекинскомъ дворѣ, судя по извѣстіямъ англійскихъ газетъ, во главѣ ея стоитъ отецъ царствующаго богдохана, Чунъ-цинъ-ванъ, младшій братъ князя Гуна. Вліянію этой партіи, къ которой также принадлежитъ Цзо-цзунъ-танъ, обязанъ несчастный Чунхоу своею гибелью.

Стало быть, противъ Россіи направила эта партія первый свой ударъ. Между тѣмъ, въ китайскомъ народѣ существуетъ убѣжденіе, что между «русскими» и «иностранцами» есть существенная разница, что съ русскими можно жить въ мирѣ и дружбѣ, что русскій народъ—ближайшій сосѣдъ, съ которымъ торговля ведется уже нѣсколько столѣтій. По словамъ одного тонкаго дипломата, бывшаго въ Китаѣ, китайцы, будто бы, считаютъ русскихъ своими братьями и родственниками (!). Во всякомъ случаѣ, безспорно, что мы не оставили въ Китаѣ никакихъ воспоминаній, подобно англичанамъ и французамъ, разорившимъ Пекинъ въ 1860 году, и опіумомъ мы китайцевъ не отравляемъ. При такихъ обстоятельствахъ понятно будетъ, какъ ужасна должна быть участь европейскаго населенія тѣхъ китайскихъ городовъ, въ которые допущены европейскія колоніи, въ случаѣ открытой войны между Россіей и Китаемъ. Тогда ненависть противъ иностранцевъ достигнетъ высшей степени, и ничто не удержитъ китайскую толпу отъ возоб-

45

явления сценъ, бывшихъ, въ 1871 году, въ Тянцинѣ.

Война между Россіей и Китаемъ не только отзовется самымъ страшнымъ образомъ на личной безопасности европейцевъ, но подорветъ и морскую торговлю съ китайскими портами. Никто не можетъ отрицать права Россіи перенести военныя дѣйствія на море и стараться нанести рѣшительные удары китайской торговлѣ.

Всѣ эти неминуемыя послѣдствія столкновенія съ Россіей отлично сознаютъ другія цивилизованныя державы, имѣющія своихъ представителей въ Пекинѣ. Всѣ онѣ поняли, и прежде другихъ Германія, общеевропейское и всемірное значеніе возникшаго вопроса и добросовѣстно стараются предупредить повтореніе страшныхъ звѣрствъ, на которыя особенно склонна китайская «сапайле». Особенно сознаётъ это Англія. Она знаетъ, что интересы ея подданныхъ наиболее потерпятъ отъ разрыва съ Китаемъ, и богатой ея торговлѣ, достигшей оборота въ 60 милліоновъ фунтовъ стерлинговъ, вмѣстѣ со всѣми англійскими «settlements» (колоніями), въ китайскихъ портахъ можетъ быть нанесенъ непоправимый ударъ.

Въ сознаніи этихъ интересовъ дѣйствовало до настоящей минуты англійское правительство въ Пекинѣ: представитель его при дворѣ богдохана энергически поддерживаетъ наши справедливыя требованія и нисколько не обнаруживаетъ желанія содѣйствовать окончательному торжеству антиевропейской партіи. Вотъ почему мы въ правѣ, на основаніи положительныхъ данныхъ, утверждать, что обвиненія Англіи въ томъ, что она, своими провсками, вызвала нынѣшній кризисъ между Россіей и Китаемъ, совершенно несправедливы и опровергаются фактами.

Въ виду всѣхъ вышензложенныхъ обстоятельствъ, трудно предсказать окончательную развязку настоящаго кризиса въ нашихъ отношеніяхъ съ Китаемъ. Толки о неминуемости войны съ Китаемъ должны быть признаны преувеличенными. Ожидаемое прибытіе въ Петербургъ новаго уполномоченнаго Китая и тѣ предложенія, которыя онъ привезетъ съ собою, окончательно выяснятъ намѣренія пекинскаго правительства.

Но, только въ одномъ можно быть увѣреннымъ, именно, что *силою* китаицы никогда не добьются возвращенія Илійскаго Края отъ Россіи. Въ защитѣ же своихъ правъ и достоинства въ сношеніяхъ съ Китаемъ Россія никогда не забудетъ, что какъ до сихъ поръ, такъ и впредь, она высоко будетъ держать знамя европейской образованности, христіанской честности въ исполненіи своихъ обѣщаній и русской несокрушимости въ защитѣ своихъ правъ и своего достоинства.

Ф. Мартенсъ.

92
Журналъ. 1880 г.
№ 20.

Спорныя стороны кульджинскаго вопроса.

(Письмо въ редакцію.)

Въ № 92 «Голоса» появилась на-дняхъ замѣтка о кульджинскомъ вопросѣ, принадлежащая перу нашего уважаемаго профессора Ф. Мартенса и затронувшая такія стороны этого вопроса, которыя до сихъ поръ оставались въ тѣни. Полная компетентность автора въ сферѣ науки международного права, единодушно признанная за нимъ ученымъ міромъ Западной Европы, и полная достовѣрность тѣхъ источниковъ, изъ которыхъ онъ могъ почерпать свои свѣдѣнія, придаютъ его статьѣ особенно-новый интересъ. До сихъ поръ кульджинскій вопросъ, выдвинутый на очередь теченіемъ политической жизни, обсуждался и разрѣшался въ нашей прессѣ исключительно съ точки зрѣнія русскихъ интересовъ и русской политики, а г. Мартенсъ переноситъ его на почву общаго международного права и придаетъ ему «общеевропейское» и «всемірное» значеніе. Съ точки зрѣнія русскихъ интересовъ этотъ вопросъ въ томъ его положеніи, въ какомъ онъ находится въ настоящее время, приводитъ къ тому заключенію, что Россія, во имя своихъ насущныхъ политическихъ потребностей, должна во что бы-то ни стало добиться отъ китайскаго правительства ратификаціи договора, заключеннаго въ Ливадіи китайскимъ уполномоченнымъ Чун-Хоу. Сохраненіе вліянія русскихъ именно на Азіатскомъ материкѣ ставили въ прямую зависимость отъ бѣльшей или меньшей энергичности дѣйствій Россіи въ данномъ случаѣ. Такого рода требованіе г. Мартенсъ находитъ невозможнымъ съ точки зрѣнія права и нежелательнымъ съ точки зрѣнія политическихъ интересовъ. Онъ говоритъ: «Каждое правительство имѣетъ несомнѣнное право давать свою ратификацію на подписанный ея представителемъ трактатъ, или не давать ея», и далѣе: «слѣдовательно, нельзя отрицать права пекинскаго правительства не утвердить заключеннаго Чун-Хоу трактата, подобно тому, какъ оно можетъ казнить и миловать всѣхъ своихъ чиновниковъ. Россія не имѣетъ ни малѣйшаго права вторгаться въ отношенія между высшимъ китайскимъ

правительствомъ и его подчиненными». Вполнѣ соглашаясь съ этимъ принципомъ въ его общемъ видѣ, тѣмъ болѣе, что онъ является однимъ изъ основныхъ началъ науки международного права, мы, однакоже, не можемъ не сказать, что едва-ли онъ можетъ быть безусловно примѣняемъ на практикѣ. Не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что право свободного распоряженія своими международными сношеніями есть необходимый элементъ независимости даннаго государства, но въ то же время стоитъ внѣ всякаго спора и то, что данное государство можетъ осуществлять это свое право только *bona fide*, не нарушая правъ другихъ членовъ международного общенія вообще и въ особенности своего контрагента. Независимое государство всегда имѣетъ право отказаться отъ ратификаціи какого бы то ни было акта, если у него есть для этого законныя основанія (напр. превышеніе уполномоченнымъ своихъ правъ, обманъ со стороны контрагента и т. д.), но не должно отказываться отъ нея только ради каприза. Последнее ограниченіе является вполнѣ согласнымъ съ понятіемъ о справедливости и въ настоящее время получаетъ все большее и большее распространеніе во взаимныхъ сношеніяхъ цивилизованныхъ государствъ. Оно есть одно изъ самыхъ надежныхъ гарантій прочности международныхъ актовъ.

Въ настоящее время еще нельзя назвать вполнѣ выясненнымъ то обстоятельство, которое внушило пекинскому правительству мысль отказаться отъ ратификаціи договора, заключеннаго его уполномоченнымъ. Само оно еще не высказалось окончательно. Сначала оно говорило, что договоръ, заключенный Чун-Хоу, не имѣетъ силы, потому что злосчастный посланникъ оставилъ свой постъ, не дождавшись отзывной грамоты, и этимъ нарушилъ одно изъ безчисленныхъ предписаній китайскаго этикета. Теперь же, сознавъ всю несостоятельность этой отговорки, оно утверждаетъ, что трактатъ недействителенъ, потому что заключенъ не на китайской территоріи. Очень можетъ быть, что черезъ нѣсколько времени появится какой-нибудь новый предлогъ къ отказу, изобрѣтенный китайскими дипломатами и основанный на нарушеніи устава 10,000 церемоній. Но, спрашивается, неужели Россія должна серьезно относиться къ этой комедіи и не потребовать разъ навсегда представленія со стороны китайскаго правительства ясныхъ и безспорныхъ юридическихъ дока-

зательствъ, на которыхъ оно основываетъ свой отказъ отъ ратификаціи? Мы думаемъ, что напротивъ. Есть полное основаніе думать, что Китай и послѣ такого категорическаго требованія повторить свои прежнія уловки, потому что, если бы у сыновъ Срединной имперіи были въ рукахъ болѣе вѣскіе доводы въ пользу правоты своихъ притязаній, то они не замедлили бы выставить ихъ на видъ при первомъ удобномъ случаѣ; но до сихъ поръ, однако, это не сдѣлано. Да кромѣ того изъ раскрывшихся до сихъ поръ фактовъ можно сдѣлать то заключеніе, что отказъ отъ ратификаціи трактата коренится не въ не-правильности самого акта и не въ превышеніи своихъ полномочій со стороны Чун-Хоу, а въ томъ, что онъ не имѣлъ счастья поправиться сильной дворцовой партіи, противъ которой оказывается безсильнымъ и самъ богдыханъ. Да и эта партія, повидимому, не столько недовольна самимъ трактатомъ, сколько проникнута воинственнымъ желаніемъ помѣряться своими силами съ сосѣдкой и настаиваетъ на отказѣ въ ратификаціи только ради того, чтобы потомъ довести дѣло до войны. Стоящему во главѣ ея Цзо-цзунъ-тану, пожалуй, хотѣлось бы къ своимъ триумфамъ надъ дунганами, таранчами и проч. присоединить и триумфъ надъ русскими войсками. Съ этой точки зрѣнія отказъ отъ ратификаціи является вполне не согласнымъ съ приведеннымъ нами выше принципомъ международнаго права. Таковъ нашъ взглядъ на этотъ вопросъ, основанный на тщательномъ анализѣ какъ опубликованныхъ до сихъ поръ официальныхъ документовъ, такъ и частныхъ газетныхъ свѣдѣній. Мы не можемъ, конечно, ручаться за его вѣрность, но думаемъ, что дальнейшія обстоятельства могутъ выяснить вопросъ именно въ этомъ смыслѣ. Разумѣется, если Китаю удастся вполнѣ доказать законность основаній своего отказа, тогда и вопросъ станетъ совершенно иначе.

Помимо всѣхъ этихъ, такъ-сказать, практическихъ соображеній, намъ кажется возможнымъ сказать здѣсь нѣсколько словъ о примѣнимости принятыхъ цивилизованными государствами юридическихъ началъ къ государствамъ, хотя и входящимъ въ сферу международнаго общенія, но еще стоящимъ на низкой степени политическаго и нравственнаго развитія. То, что умѣстно и справедливо по отношенію къ болѣе развитымъ чле-

намъ международнаго союза; то, что принимается ими, какъ нѣчто совершенно логичное и рациональное:—то же самое, говоримъ мы, вдругъ, ни съ того, ни съ сего, встрѣчаетъ самый категорическій протестъ со стороны какого нибудь *enfant terrible*, въ родѣ Турціи или Китая. Иной разъ цивилизованная страна предъявитъ своему нецивилизованному другу какое нибудь самое умеренное и законное требованіе, а тотъ въ отвѣтъ ей говоритъ просто-на-просто—«не хочу», и на скромный вопросъ о мотивахъ отказа—или ссылается на волю Аллаха, или на какое нибудь не менѣе солидное основаніе. Что-же дѣлать въ такомъ случаѣ? Преклониться передъ неразвитостію своего младшаго брата или дать ему, хотя суровый, но вполнѣ справедливый и заслуженный урокъ приличія и благопристойности? Наука права и практической смель рѣшаетъ этотъ вопросъ, сколько намъ извѣстно, въ пользу втораго положенія.

Сторонники вмѣшательства Россіи въ дѣла Китая, въ данномъ случаѣ, требуютъ также заступничества ея въ пользу Чун-Хоу. Подобное заступничество равнымъ образомъ признается г. Мартенсомъ, какъ это можно видѣть изъ приведенной выписки, неумѣстнымъ, потому что Китай—независимое государство и безнаказанно можетъ карать и миловать своихъ подданныхъ. Мы въ этомъ опять совершенно согласны съ уважаемымъ авторомъ, хотя, съ другой стороны, нельзя не сказать, что если можно спасти жизнь злополучнаго посланника посредствомъ дипломатическаго вмѣшательства, то почему этого и не сдѣлать? Правда, что такое вмѣшательство было-бы неумѣстно по отношенію къ государству европейскому; но вѣдь, съ одной стороны, ни одно цивилизованное правительство не позволило бы себѣ подобнаго поступка съ своимъ бывшимъ уполномоченнымъ, а во-вторыхъ, мы всетаки думаемъ, что Китай еще не стоитъ на такой степени развитія, чтобы требовать по отношенію къ себѣ соблюденія всѣхъ правилъ международныхъ сношеній. Вѣдь Англія недавно нашла же возможнымъ заступиться передъ турецкимъ правительствомъ за муллу, приговореннаго къ смерти за переводъ библіи на арабскій языкъ, а Турція едва-ли меньше Китая имѣетъ правъ на уваженіе со стороны Европы и турецкое правительство имѣетъ не меньше правъ надъ своими подданными, чѣмъ китайское.

Далѣе г. Мартенсъ, для лучшаго исхода новыхъ переворотовъ о Кульджѣ, если они окажутся необходимыми, предлагаетъ перенести ихъ въ Пекинъ, чтобы этимъ способомъ скорѣе достигнуть взаимнаго соглашенія и отрѣзать китайцамъ путь къ дальнѣйшимъ отговоркамъ. Намъ кажется, что это едва ли было бы удобно, въ виду тѣхъ непріязненныхъ отношеній, которыя существуютъ въ средѣ китайскаго населенія по отношенію къ Россіи и русскимъ. Кто поручится за полную безопасность нашей будущей миссіи? Кто поручится, что пекинская чернь, подстрекаемая людьми враждебной намъ партіи, не повторитъ снова тѣхъ кровавыхъ сценъ, которыя происходили въ Тянцинѣ въ 1871 г.? Востокъ уже много разъ ясно доказывалъ намъ образомъ своихъ дѣйствій, что вполне полагаться на него нельзя никакимъ образомъ. Кабульская рѣзня 1879 г., жертвами которой пали маіоръ Каваньяри и секретарь посольства Дженкинсъ вмѣстѣ съ сопровождавшимъ ихъ эскортомъ, должна надолго послужить грознымъ предостереженіемъ для европейцевъ въ ихъ сношеніяхъ съ Востокомъ.

Таковы тѣ немногія возраженія, которыя мы позволили себѣ сдѣлать по отношенію къ замѣткѣ г. Мартенса. Онъ заканчиваетъ ее твердою увѣренностью томъ, что *силою* китайцы *никогда* не добьются возвращенія Кульджи, и говоритъ, что и въ защитѣ своихъ правъ Россія никогда не забудетъ, что какъ до сихъ поръ, такъ и впредь она высоко будетъ держать знамя европейской образованности, христіанской честности въ исполненіи своихъ обѣщаній и русской несокрушимости въ защитѣ своихъ правъ и своего достоинства. Мы позволили себѣ привести всю эту тираду цѣликомъ, потому что въ каждомъ словѣ ея слышится чувство истиннаго патриотизма и горячей любви къ чести и интересамъ Россіи. Такъ можетъ говорить только человекъ искренне и отъ всей души желающій добра своей родинѣ. Намъ остается только присоединиться къ этому убѣжденію и выразить пожеланіе, чтобы мысль г. Мартенса мирнымъ путемъ получила себѣ осуществленіе въ дѣйствительной жизни.

Н. Ч.

КУЛЬДЖА

НАКАНУНЪ СДАЧИ.

На берегу быстрого арыка *), въ тѣни пирамидальныхъ тополей и карагачей **), изъ которыхъ нѣкоторые, привитые, своей темной зеленью напоминаютъ кипарисы, дѣлятся глинобитныя стѣны домовъ и оградъ съ воротами, кое-гдѣ имѣющими китайскую архитектуру. По бокамъ ихъ, на стѣнахъ изъ глины искусно вытѣснены крупныя изображенія лицъ и цвѣтовъ. Внутри видны небольшіе дворики съ навѣсами изъ виноградной лозы и съ клумбами густо растущихъ разноцвѣтныхъ астръ и балзаминовъ. Слышенъ шумъ и гамъ дѣтскихъ голосовъ, звуки какого-то восточнаго нарѣчія, и вотъ толпа дѣтей разнаго возраста выбѣгаетъ къ ручью и несется съ визгомъ и смѣхомъ по берегу, составляющему вмѣстѣ съ симъ и улицу. Они не обращаютъ вниманія на проѣзжающихъ мимо верховыхъ, не боятся попасть подъ тяжелыя двухколесныя арбы, нагруженныя глыбами каменнаго угля и снопами свѣжаго клевера, глядятъ смѣло бойкими черными глазками и, увидѣвъ русскаго офицера, кричатъ «взрасту», прикладывая руку ко лбу, по военному. Дѣвочки и мальчики вмѣстѣ. Лица большинства изъ нихъ привлекательны и правильны, движенія граціозны. Дѣвочки одѣты въ длинныя съ широкими рукавами блузы, довольно яркихъ цвѣтовъ: алаго, свѣтлозеленаго, апельсиннаго, или изъ пестрой восточной полушелковой матеріи бухарскаго рисунка. На головахъ весьма изящныя шапочки цилиндрической формы, на которыхъ парчевая полоса блеститъ узоромъ на подобіе галуна, а коническая верхушка отдѣ-

*) Искусственно проведенный ручей, въ Средней Азии.

***) Родъ вяза.

лана складками красивой матеріи или полосатой ленты; каждая шапочка имѣетъ разный узоръ. Изъ-подъ нихъ выглядываютъ кругомъ лба заткнутые ярко-желтые цвѣты и астры, а назади висятъ двѣ косы, оканчивающіяся черными шелковыми кистями. На рукахъ у нѣкоторыхъ серебряныя браслеты.—Мальчики въ однихъ бѣлыхъ рубашкахъ и широкихъ до колѣнъ шароварахъ, съ синими или зелеными кушаками изъ куска бумажной матеріи, или въ однихъ шароварахъ, безъ рубахъ, а малыши отъ 2-хъ до 7—8 лѣтъ совершенно голые. Всѣ они съ бритыми круглыми головками, покрытыми у немногихъ плотно приле-

гающими татарскими колпачками; у нѣкоторыхъ оставлена косичка, иногда и двѣ, смѣшно торчація съ боку головы. Темно-коричневое тѣло ихъ жжетъ знойное солнце, къ которому они привыкли и котораго нисколько не стыдятся въ своей наготѣ;—въ манерѣ и взглядѣ ихъ столько невинной прелести и простоты.

Голенькіе мальчуганы немедленно прыгають въ быстрый арыкъ; вода, неособенно чистая, имъ по пояса, малышамъ по-плечи. Тамъ поднимается невообразимый крикъ потревоженныхъ гусей и утокъ, которыхъ не видно было за кустами красныхъ и бѣлыхъ полевыхъ мальвъ, лиловой дикой мяты и высокой пахучей полыни, въ изобиліи растущей вездѣ гдѣ вода.

Плесканью, играмъ и смѣху нѣтъ конца. Устраиваются мостики изъ прутьевъ, полощется въ видѣ игры бѣлье. Сидящіе на берегу на корточкахъ помогаютъ и принимаютъ участіе въ забавахъ. Спускають на воду половину дыни, внутренность которой только-что ими съѣдена, и на которую накидываются прожорливыя утки, ища въ ней сѣмячекъ; дѣвочки бросаютъ въ воду цвѣты, уносимые быстрымъ потокомъ. Особенно интересны 3—4-лѣтніе карапузики, съ кожей шоколаднаго оттѣнка, съ большими бархатными черными глазами, серьезно треплющіе по водѣ свои короткіе мокрые штанишки, воображая что моютъ ихъ.

Въ воду въѣзжаетъ на ослѣ подростокъ лѣтъ 12-ти, напоить длинноухаго; но это лишь предлогъ: ему ужасно хочется принять участіе въ рѣзвой компаніи—по крайней мѣрѣ поболтать. Дѣти изъ воды лѣзутъ на ишака *), и теребятъ его за уши. Невозмутимый осель, напившись, поднимаетъ мокрую морду и начинаетъ неистово кричать, рѣзкимъ, своеобразнымъ ослинымъ крикомъ, хорошо знакомымъ всѣмъ бывавшимъ на Востокѣ. Хохотъ усиливается. Замѣчательно, что въ играхъ и въ обращеніи этихъ дѣтей между собою никогда не видно ссоры, драки и вообще недружелюбія, развѣ поборются два мальчугана, стараясь осилить другъ друга—попробуютъ силу; но безъ подножекъ, подмикитокъ и другихъ ухищреній, употребляемыхъ часто нашими ребятами, чтобы одолѣть противника.

У берега останавливается китайская двухколесная каретка (крытая арба), обтянутая синей бумажной матеріей, съ двумя отверстіями (окнами) по бокамъ, запряженная въ оглобли муломъ, обвѣшаннымъ кистями. Надъ нимъ изъ той же синей матеріи навѣсъ отъ солнца. Спереди этотъ фургончикъ открытъ и внутри видно 5—6 дѣтей, не выше 10-лѣтняго возраста; всѣ одѣты чисто и даже нарядно; на облучкѣ за кучера мальчикъ лѣтъ 12-ти.—Что за приволье здѣсь ребятамъ! точно какое-то волшебное дѣтское царство, и кромѣ дѣтей нѣтъ никого.—Но вотъ къ арыку подошелъ старикъ въ большой бѣлой чалмѣ; у него на рукахъ ребенокъ, котораго онъ нѣжно нян-

*) Мѣстное названіе осла.

читать, что-то ласково приговаривая, а 3-х-лѣтній мальчуганъ, держась одной рученкой за старческую темно-коричневую шею, сосеть крупныя янтарныя ягоды сочнаго винограда съ цѣлой кисти, захваченной имъ въ свой кулачокъ. Дѣтей все прибывало, на улицѣ устроивалась игра въ лошадки съ участіемъ дѣвочекъ, а въ углу ярко-освѣщеннаго дворика разставлялись небольшія бабки—видно бараньи. Солнце садилось. Дальнія высокія горы уже подернулись синевой и длинный рядъ ихъ холодныхъ снѣжныхъ вершинъ рѣзко бѣлѣетъ на бирюзовомъ небѣ. На западѣ разгорался пурпуръ вечерней зари и отражался на противоположныхъ вершинахъ другаго горнаго хребта розовымъ отблескомъ, съ переходомъ въ нѣжно-лиловый, напоминающій игру перламутра.

Къ арыку все чаще стали подъѣзжать для водопоя верховые люди въ халатахъ и чалмахъ; у многихъ впереди на сѣдлахъ сидѣли дѣти:—мальчики или дѣвочки, съ кускомъ дыни или съ яблокомъ въ рукѣ. Появлялись и киргизы въ мѣховыхъ шапкахъ, несмотря на 40-градусную жару; китайцы въ бѣлыхъ и синихъ блузахъ съ своими длинными, лоснящимися отъ клейкаго масла черными косами, въ черныхъ шапочкахъ, и дунгане, отличающіеся отъ китайцевъ по костюму только отсутствіемъ косы, съ своими мускулистыми толстыми шеями и острымъ типомъ лица *).

Мусульмане, умывъ тутъ же руки и лицо, обратясь на западъ, дѣлали намазъ, т.-е. молились набожно, становясь на колѣни и склоняясь до земли, пачкали пылью свои мокрые лбы и носы. Подростки подражали старикамъ и строгимъ переходомъ отъ рѣзвости къ серьезному благоговѣнію молитвы могли бы пристыдить не только юношу, но и взрослого христіанина, стыдящагося публично осѣнить себя крестнымъ знаменіемъ...

Дѣвочки быстро скрылись во дворахъ сосѣднихъ домовъ; игра въ бабки, только-что разгорѣвшаяся на одной площадкѣ, была прервана, и владѣльцы бараньихъ бабокъ живо разобрали ихъ по карманамъ. Тутъ были и бѣлокурые русскіе мальчуганы, дружелюбно играющіе съ маленькими смуглыми азіатами.

У воротъ появились женщины-матери, съ открытыми лицами, большею частью правильными, въ такихъ же головныхъ уборахъ и халатахъ какъ и у дѣвочекъ, съ длинными черными косами; у нѣкоторыхъ изъ-подъ шапочекъ ниспадаетъ на спину легкое кисейное покрывало **); онѣ сзывали голыхъ и полуголыхъ птенцовъ, которые уже вылѣзли изъ воды и бѣгали, ежеминутно подвергаясь опасности попасть подъ ноги лошадей и верблюдовъ или подъ колеса арбы, а особенно мѣстныхъ извозчиковъ на линейкахъ (долгушахъ), мчавшихъ во всю прыть когонибудь изъ офицеровъ.

Въ обращеніи ихъ съ дѣтьми не слышалось ни рѣзкихъ словъ, ни звуковъ шлепанья подъ приподнятой рубашкой, несмотря на то, что иного востроглазаго прихо-

дилось долго ловить между лошадьми, ослиами и возами привезенного съ полей клевера, какъ цыпленка, недавнаго въ руки.

Хорошо здѣсь живетъ дѣтямъ! фрукты почти даромъ, и какіе персики! ихъ дѣти особенно любятъ. Дыни раз-

^{*)} Дунгане мусульманскаго вѣроисповѣданія, во время походовъ Чингизь-хана и Тимура въ Китай остались тамъ, женились на китайкахъ, но сохранили свою національность. Слово дунганъ значитъ «оставшіеся».

^{**)} Женщины-мусульманки только въ Кашгаріи и западномъ Китаѣ оставляютъ лица открытыми, не закутывая ихъ безобразными чадрами, какъ вообще на Востоку.

ныхъ сортовъ ѣдятъ даже телята. Арбузы—не поднять и парню. Виноградъ лежитъ грудями на столахъ разнощиковъ или въ корзинахъ, и по немъ едва ползаютъ опьянѣвшія отъ соку золотыя пчелы.—Каждая кисть фунта три вѣсу.

Но виноградъ и дома у нихъ виситъ тяжелыми гроздьями подъ оплетенными лозой навѣсами во дворахъ и садахъ, золотясь на солнцѣ зеленоватыми и блѣднорозовыми плодами. Ёшь—не хочу... Дѣти не знаютъ еще здѣсь ни дифтерита, ни скарлатины, ни холеры... Но гдѣ-же это здѣсь? гдѣ эта обѣтованная земля для дѣтей? Это уголокъ Кульджи *), а описанныя дѣти—молодое поколѣніе таранчей.

Дѣтямъ здѣсь пока приволье: свобода играть, купаться, ѣздить верхомъ на ослихъ и лошадяхъ; но они, какъ и дѣти всѣхъ странъ, не чувствуютъ грядущаго горя, ни того, что сердца матерей ихъ разрываются отъ печали, а отцы серьезно и сосредоточенно озабочены. Надо бросать свой домъ, свой садъ, свои поля,—все къ чему привыкло сердце, бросить родину, и родныя могилы... Дѣло въ томъ, что большинство населенія Кульджи мусульмане, такъ называемые таранчи (что по-китайски значитъ земледѣльцы).

Около 200-тъ лѣтъ назадъ, китайцы выселили ихъ сюда изъ Кашгаріи, какъ хорошихъ хлѣбопашцевъ. При отпаденіи отъ Китая всѣхъ западныхъ провинцій, во время серьезнаго возстанія въ этихъ странахъ, здѣсь было вырѣзано мусульманами (преимущественно дунганями) до полумилліона китайцевъ за невыносимый гнетъ и жестокость китайскихъ властей.

Въ это время (1870 г.) Кульджа и была занята нашими войсками, и таранчи оказались смирнымъ трудолюбивымъ народомъ, быстро усвоившимъ русское вліяніе и серьезно намъ преданнымъ. Теперь, при переходѣ Кульджи снова подъ власть китайцевъ, таранчинскому и дунганскому населенію придется или погибнуть рано или поздно отъ мести китайцевъ, несмотря ни на какіе договоры, которые безсильны удержать грубыхъ и своевольныхъ китайскихъ солдатъ при первомъ поводѣ къ ссорѣ — а это неизбежно при взаимной племенной ненависти; — или переселиться въ наши предѣлы Семирѣченской области. Право на это дано имъ недавнимъ договоромъ съ Китаемъ.

Они выбр... дились на переселеніе, и теперь таранчинскія и д... жія дѣти доживаютъ въ Кульджѣ послѣдніе дни... а сколько ихъ ляжетъ въ землю на новыхъ мѣстахъ отъ новыхъ климатическихъ условій и безкормицы, неизбежной при переселеніи цѣлаго народа, — около 60 тысячъ душъ, и другихъ случайностей?.. Теперь же они беззаботно играютъ на могильныхъ насыпяхъ убитыхъ китайцевъ и своихъ отцовъ, которыми окружена вся Кульджа, съ рѣдкими между ними полуразрушенными куполообразными мазарами (магометанскими часовнями). Глядя на нихъ, невольно вспомнишь слова поэта

И пусть у гробоваго входа
Младая будетъ жизнь играть,
А равнодушная природа
Красою вѣчною сіять...

Страшно подумать сколько здѣсь пролито крови!.. Въ окрестностяхъ Кульджи лежатъ развалины бывшихъ громаднхъ городовъ съ 40 — 60-тысячнымъ населеніемъ. Таковы: Баяндай и Старая Манчжурская Кульджа, раз-

*) Кульджа по-монгольски—значить мараль (горный олень); китайцы зовутъ ее Или, по имени рѣки.

валины которой раскинуты по берегу Или на 5 верстѣ. Между ними сохранились лучше другихъ стѣны русской факторіи и русской церкви, остатки двухъ башенъ изъ прекраснаго квадратнаго жженога кирпича, звонкаго какъ стекло; карнизы съ барельефами отъ кумирни, — и два каменныхъ звѣря, украшавшіе въѣздъ во дворецъ цзянь-цзюня, который, подобно Сарданпалу, послѣ пира взорвалъ себя на воздухъ пепломъ изъ трубки, когда въ цитадель, окруженную толстой стѣной съ бойницами и очень похожую на Кремль, — вломились дунгане. — Сколько тутъ зарыто труповъ зарѣзанныхъ женщинъ и дѣтей!.. Кровью пропитанную почву напоминаютъ даже здѣшнія яблоки, мякоть которыхъ розовая, какъ апельсины - корольки, точно пропитана алой кровью...

При поголовномъ выселеніи изъ Кульджи и окрестныхъ таранчинскихъ кишлаковъ и кентовъ (селеній), китайцы будутъ вынуждены снова населять край или кашгарцами или китайцами изъ своихъ внутреннихъ провинцій. Какая участь ждетъ Кульджу въ будущемъ, покажетъ, разумѣется, время; но рано или поздно она безъ сомнѣнія послужитъ яблокомъ раздора.

Какъ сподрученъ этотъ край для насъ по смежности его съ Семирѣченской областью и хлѣбному богатству *), котораго хватило бы въ случаѣ нужды на весь Туркестанъ, такъ неудобенъ онъ для китайцевъ, будучи отдаленъ отъ центрального Китая громадной голодной степью, при враждебномъ населеніи сосѣднихъ съ Кульджой мѣстностей.

Китайцы навязали себѣ немало хлопотъ и заботъ, удовлетворяя только своему тщеславію, обратной уступкой имъ этого уголка, гдѣ русское вліяніе и культура пустили уже глубокіе корни.

Впереди что еще будетъ, а пока таранчинскія дѣти беззаботно играютъ въ бабки вмѣстѣ съ русскими дѣтьми.

КУЛЬДЖА

НАКАНУНЪ СДАЧИ.

II.

Возьмите карту Азіи за послѣднія 5—6 лѣтъ, и вы найдете подъ 44 градусомъ сѣверной широты, на границѣ Китая, провинцію рѣки Или съ городомъ Кульджей, обведенную тѣмъ же пограничнымъ цвѣтомъ, какъ и вся обширная наша Имперія. Этотъ клочокъ земли, бывшій 10 лѣтъ русскимъ, какъ острый клинъ вбитъ въ Китай сѣвернѣе Кашгаріи. Угломъ своимъ онъ почти достигаетъ до узла всѣхъ военныхъ и торговыхъ путей Западнаго Китая. Не даромъ китайцы такъ настойчиво добивались этой провинціи, столь для нихъ неудобной въ нашихъ рукахъ—и добились. Теперь Кульджа уже городъ китайскій, и съ весны 1882 года тамъ водворяется китайское управленіе. Кромѣ того, эта небольшая въ географическомъ отношеніи провинція можетъ прокормить болѣе милліона населенія, — такъ какъ она весьма плодородна: просо, пшеница, рисъ, маисъ, опійный макъ растутъ здѣсь замѣчательно хорошо. Климатъ прелестный: лѣто жаркое (до 40° въ тѣни Р., но не знойное, такъ какъ воды и зелени много, а кругомъ на разстояніи 70—100 верстъ горы вѣчныхъ снѣговъ, въ 14 и 16.000 футовъ высоты. Съ сѣвера это отроги Ала-тау,—съ юга—Тянь-Шаня. Долина Или съ городомъ Кульджей лежитъ между этими двумя почти параллельными цѣпями горъ. Кульджа лежитъ въ котловинѣ междугорья, на высотѣ около 2.500 фут., почему здѣсь зима, хотя мягкая, но снѣжная и морозы доходятъ до 12—15°, а въ послѣдніе годы, съ уничтоженіемъ нашими линейными баталіонами лѣсовъ въ сосѣднихъ предгорьяхъ, и до 20°. Эти морозы повредили много садовъ и фруктовыхъ деревьевъ; особенно пострадали грачатовыя и грушевыя.

Весна начинается въ мартѣ, а осень, тихая и ясная, до конца ноября.

Русская колонія здѣсь развилась быстро, такъ какъ Кульджа по своему положенію представляла самыя выгодныя условія для торговли съ Западнымъ Китаемъ, связывая его съ рынками Ташкента и Кокана съ одной стороны, а на сѣверѣ непосредственно съ Семипалатинскомъ и Омскомъ. Въ Кульджѣ можно встрѣтить торговцевъ изъ Кашгаріи, Ферганы и даже Афганистана. Съ

падениемъ Кульджи, какъ русской колоніи, вся торговля наша съ Западнымъ Китаемъ, исключая ничтожной мѣншой въ Чугучакѣ близъ сибирской границы, — останется только однимъ правомъ на бумагѣ, потому что ни одинъ караванъ (если бы кто и рискнулъ спарядить таковой), благополучно не дойдетъ до мѣста и будетъ навѣрно разграбленъ безчисленными шайками китайскихъ дунганъ и таргоутовъ, которые и теперь грабятъ открыто вблизи нашихъ границъ; а придинокъ самыхъ мелочныхъ отъ китайцевъ не оберешься. Это всегда было, есть и будетъ. Они морочатъ насъ на каждомъ шагу и, присѣдая вѣжливо передъ нашими чиновниками, посмѣиваются въ усъ нашей простотѣ и насмѣхаются надъ нашей политической неумѣлостью, а по ихъ мнѣнію слабостью. Положеніе множества русскихъ семействъ: купцовъ, мѣщанъ, оставшихся чиновниковъ и солдатъ, водворившихся въ Кульджѣ для разнаго рода торговли, построившихъ дома, купившихъ земли и сады, однимъ словомъ, основавшихъ особый русскій городокъ, съ каменною церковью во имя св. Іліи пророка, — не менѣе плачевно. Оставаться въ Кульджѣ, когда изъ нея уйдутъ наши войска и все мѣстное населеніе, исключая китайскаго, незначительнаго, прокуреннаго опіемъ и лѣниваго, — немыслимо въ виду голодныхъ и грубыхъ китайскихъ солдатъ, которые замѣнятъ русскія войска, и дороговизны, которая неизбежно возникнетъ при невозможности доставать предметы первой необходимости, — когда уйдетъ все мусульманское населеніе, снабжающее теперь всѣхъ наилучшимъ каменнымъ углемъ, которымъ замѣняется здѣсь топливо, клеверомъ, мукой, мясомъ, птицей, овощами и всякой всячиной.

Постоянное пребываніе въ Кульджѣ русскаго консула пикого особенно не обезпечить, потому что, при всемъ желаніи защищать интересы русскихъ подданныхъ, онъ не сдѣлаетъ же *casus belli* за покражу и даже насиліе въ русскомъ мѣщанскомъ семействѣ; а перепиской съ китайцами ничего не добьешься при ихъ уклончивости, это знаетъ всякій, кто имѣлъ съ ними какое-нибудь дѣло. Всякая дѣловая переписка съ китайскими властями напоминаетъ наши древніе порядки, когда дѣла лежали неоконченными по нѣскольку лѣтъ, за переѣздомъ отиѣтчика въ другой уѣздъ. Такимъ образомъ и участь заброшенныхъ судьбою въ Кульджу русскихъ семействъ — тоже неопредѣленна. Между тѣмъ, пока что, а съ первыми заморозками наши парнишки несомнѣнно будутъ вмѣстѣ съ маленькими таранчатами беззаботно раскатываться на подмерзшихъ арыкахъ и проточинахъ, съ раскраснѣвшимися отъ холода щеками, и перекидываться безобидными свѣжками. Но обратимся къ сценамъ Кульджи передъ разставаніемъ съ нею.

III.

Къ таранчинской мечети, китайской архитектуры, съ приподнятыми къ верху углами трехъярусной крыши, по-

хожей на тѣ дома, которые изображаются на чайныхъ ящикахъ, прилегаеть окруженный глиняною стѣною дворъ. Изъ-за стѣны свѣсилась вѣтви широколистной шелковицы; внутри двора видны огромные кусты клещевины съ большими лапчатыми листьями и красными шишками, вокругъ нихъ въ изобиліи растутъ бархатцы и астры. Со двора слышно выкрикиваніе нарастающаго многихъ звонкихъ голосовъ хоромъ: элифъ, ба, та, айнь, чайнь, даль, заль, мимъ, нунъ, — это школа. Человѣкъ 20 мальчиковъ, сидя вдоль стѣнки, учатъ арабскую азбуку, общую у всѣхъ мусульманскихъ народовъ. Въ рукахъ у нихъ дощечки. Учитель—молодой мулла, въ бѣлой чалмѣ, съ черной бородой и орлинымъ носомъ. Дѣти, видимо, любятъ его и не боятся. Нѣкоторые исподтишка заигрываютъ съ кошкой, у кого на рукѣ сидитъ ручной соколъ, цѣпко обхватившій длинными когтями пальцы мальчика, грызутъ лепешку или сладко-мучнистые плоды мѣстнаго дерева, похожіе на небольшой финикъ съ такою же длинной косточкой.

Урокъ конченъ; мулла уходитъ въ свою саклю, устланную коврами и пестрыми войлоками, съ низкимъ восточнымъ столикомъ посреди комнаты. Тамъ у него уютно. Большіе окованные жестью сундуки стоятъ одинъ на другомъ въ нишахъ стѣны, гдѣ сложены также и круглыя цвѣтныя подушки. Узорчатый каминъ-очагъ выдается изъ опитукатуренной стѣны, покрытой красивыми лѣпными арабесками; свѣтъ падаетъ сверху черезъ продолговатое рѣшетчатое окно, заклеенное бумагой. Прибѣжали и два его сына, торопливо укладывая дощечки съ азбукой и какую-то книжку, чтобы скорѣе убѣжать на улицу.

Тамъ уже вся компанія въ разсыпную: кто у арка моетъ свою смуглую рожу; кто пьетъ изъ пригоршни, или начерпываетъ воду въ выдолбленную тыкву, стоя по колѣни въ водѣ, кто возится съ ученымъ соколомъ, напѣвая пѣсню, кто уже успѣлъ сбѣгать домой и гарцуетъ безъ сѣдла и уздечки на ослѣ, занузданномъ веревочкой, тщетно стараясь загнать его въ воду понуканьями и усиленнымъ маханьемъ босыхъ ногъ. Съ полей гонятъ стадо коровъ и барановъ, которые поднимаютъ цѣлую тучу невообразимо мелкой пыли. Подростки купаютъ лошадей, жадно пьющихъ воду, съ шумомъ и пѣною бѣгущую изъ-подъ колеса дунганской мельницы, пріотившейся подъ развѣсистыми ветлами.

Южныя сумерки наступаютъ быстро. Серебристая луна засвѣтилась желтоватымъ сіяніемъ. Одна за другою загораются звѣзды въ безоблачномъ пространствѣ, не то синимъ, не то фіолетовымъ и вдали за садами раздаются рожокъ, трубный зорю въ нашей казачьей сотнѣ...

Русскія дѣти въ Кульджѣ также бѣгаютъ по утрамъ въ школу, гдѣ учатся закону Божию у мѣстнаго священника,—есть и учитель. И вся эта жизнь скоро остановится въ своемъ теченіи, повернетъ по новому руслу и разобьется на многія канавки.

Выдвинется на первый планъ китаецъ, и первенствующую роль на улицахъ и въ садахъ будущей Кульджи будутъ уже играть китайскія дѣти, которыя теперь прячутся въ грязныхъ и тѣсныхъ улицахъ китайскаго квартала и развлекаются только на китайскомъ базарѣ.

Китайцы также любятъ дѣтей, балуютъ ихъ, наряжаютъ, особенно тщательно причесываютъ дѣвочекъ, но не даютъ имъ такой свободы, и потому китайчата пебойки и нѣсколько смотрятъ пойманными звѣрками.

Въ мусульманскіе праздники уразы *) и байрама **)

*) Рамазанъ — постъ, каждый вечеръ оканчивающійся разговоромъ.

**) Курбанъ - байрамъ — праздникъ жертвоприношеній (обыкновенно башиновъ.)

дѣти, какъ таранчей, такъ и дунганъ, особенно нарядно одѣты. У послѣднихъ оригинальные башмаки на толстыхъ подошвахъ, украшенные узорчатой строчкой; нарядныя курмы, — родъ китайской кофты съ широкими расшитыми рукавами и замѣчательны прически дѣвочекъ съ цвѣтами и серебряными шпильками въ волосахъ. У таранчинокъ азіатскія востроносые туфли съ красными шарообразными кистями и яркіе халаты-блузы.

Въ эти дни на улицахъ Кульджи и по дорогѣ къ рѣкѣ Или, протекающей въ верстѣ отъ города, встрѣчается много крытыхъ арбъ въ родѣ двухколесныхъ маленькихъ каретъ, биткомъ набитыхъ нарядными дѣтьми. У дѣвочекъ-таранчинокъ брови густо подкрашены и соединены вмѣстѣ черно-синей полосой, сдѣланной сокомъ какого-то растенія, что придаетъ имъ видъ масокъ. Такія яркія, живописныя группы дѣтей, подъ горячими солнечными лучами, можно видѣть только на Востокѣ. Здѣсь уличная жизнь болѣе развита, вслѣдствіе отсутствія замкнутости женщинъ и семьи и, кромѣ того, много разнообразія отъ разноплеменности. Кромѣ таранчей, дунганъ и китайцевъ встрѣчаются еще киргизы, калмыки, монголы и сарты тюркскаго племени, сабины и солоны — манчжурскаго.

Въ праздники, изъ воротъ домовъ-сакель, изъ-за садовыхъ оградъ украдкой выглядываютъ дѣвушки въ своихъ новыхъ парчевыхъ заостренныхъ къ верху шапочкахъ, съ какими-то блестящими украшеніями на груди, а бѣдные босые въ однихъ грязныхъ рубашкахъ мальчики, у которыхъ нѣтъ даже чистаго бѣлья, умильно и почтительно поглядываютъ на проѣзжающихъ мимо богато одѣтыхъ сверстниковъ, хотя часто играютъ вмѣстѣ, не стѣсняясь костюмомъ.

Любимое гулянье дѣтей на базарахъ, гдѣ грудями навалены фрукты: дыни и арбузы и гдѣ продаютъ разныя бездѣлушки, а также у мечетей въ тѣ дни, когда на соседнихъ плоскихъ крышахъ толпятся женщины и мужчины, увлекаясь монотонными и нѣсколько рѣзкими звуками мандалинъ и другихъ азіатскихъ инструментовъ.

Изъ всѣхъ базаровъ самый модный и шумный — китайскій. Тамъ груды всякихъ овощей и фруктовъ, тамъ — стряпаютъ и ѣдятъ на улицѣ. Съ восхода и до заката солища толпится тамъ и пѣшій, и верховой разноплеменный людъ.

IV.

На длинномъ деревянномъ столѣ, подъ развѣсистыми ивами, разставлены большія фарфоровыя чашки китайскаго фасона, блюда и разная деревянная посуда; въ ней панизашныя на прутикахъ или соломинахъ жареные въ маслѣ пирожки-пилемени, имѣющіе аппетитный видъ; рядомъ кучки лепешекъ—онѣ замѣняютъ хлѣбъ. Горячій паръ отъ какой-то похлебки вкусно пахнетъ лукомъ. Тутъ же стоитъ переносная глиняная круглая печка-кухня съ отверстіемъ наверху, утвержденная на деревянной подставкѣ. Изъ этого круглаго отверстія вырывается дымъ и красное пламя, когда съ него снимаютъ сковороду или какое-нибудь блюдо. Хозяинъ, онъ же и поваръ этого подвижнаго ресторана, желтолицый, съ черной косою, въ обыкновенномъ китайскомъ полукостномъ сѣраго или грязно бѣлаго цвѣта и въ черной шалочкѣ съ шарикомъ на макушкѣ. У стола, сидя на скамейкѣ спиной къ улицѣ, что-то уписываетъ за обѣ щеки согнувшійся надъ чашкой китайскій работникъ. Молодой китаецъ ѣстъ, стоя, съ блюдечка гороховую лашпу, ловко захватывая ее двумя де-

Вблизи на другомъ столѣ разрѣзаютъ огромный арбузъ, ломти его оранжеваго цвѣта съ большими черными сѣмечками раскладываютъ рядами для потребителей, которыхъ немало. Кругомъ на скамьяхъ и подъ ними корзины съ яблоками, съ персиками разныхъ сортовъ и виноградомъ. Дыни и арбузы лежатъ кучами на землѣ. Взглянувъ нѣсколько выше, во 2-й этажъ противуполагающаго дома, увидите террасу или комнату, открытую со стороны улицы; передъ ней снаружи виситъ украшенный кистями большой китайскій фонарь. Тамъ снуютъ взадъ и впередъ не совсѣмъ чистые китайцы съ чашками въ рукахъ, прислуживая сидящимъ за столиками гостямъ. Тутъ китайскій ресторанъ. По обѣ стороны улицы и сзади столовъ съ фруктовымъ и мелочнымъ товаромъ тянутся открытыя китайскія лавки. Внутри ихъ за прилавками видны толстыя или совсѣмъ изнеможенные желтыя лица китайцевъ-купцовъ въ очкахъ съ огромными круглыми стеклами, большею частью изъ дымчатаго топаза—по пекинской модѣ. Тамъ продаютъ всякую всячину.

Это китайскій базаръ. Несмотря на то, что по распоряженію властей тутъ же жгутъ на жаровняхъ какую-то ароматическую траву или вѣтки душистаго можжевельника, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ запахъ ужасно скверный, особенно сильно пахнетъ чадомъ какого-то пригорѣлаго жженого масла. Но китайцы къ этому привыкли.

Женщины ихъ съ прическами въ родѣ бантовъ изъ волосъ, какъ-бы склеенныхъ чѣмъ-то липкимъ, всегда съ непокрытыми ничѣмъ головами (развѣ цвѣтокъ живой или искусственный украшаетъ туго зачесанныя назадъ черносиніе волосы), едва пробираются вдоль лавокъ на своихъ уродливыхъ коротенькихъ ступняхъ, похожихъ на обутые кулаки, точно на ходуляхъ, опираясь на длинную палку, причѣмъ ноги ихъ мало сгибаются. Нѣкоторыя тащатъ за руку маленькихъ китайчанокъ, нести ихъ на рукахъ вѣ-

не въ моготу, при такой нетвердой устойчивости на ногахъ. Дѣтей и здѣсь множество. Они сидятъ и на прилавкахъ, въ фанзахъ китайскихъ купцовъ, часто совершенно голые, или играютъ около грязныхъ канавокъ, бѣгущихъ по обѣимъ сторонамъ улицы; на нѣкоторыхъ только короткіе штанишки съ тесемками черезъ голыя плечи, или яркіе расшитые нагрудники. Группы этихъ голышей, отъ самаго крошечнаго до 10-ти-лѣтняго, напоминаютъ маленькихъ акробатовъ, цвѣта жженого кофе. Дѣвочки никогда не ходятъ голыя, онѣ одѣты, а особенно причесаны всегда очень кокетливо.

Китайскій базаръ послѣ заката солнца совершенно пустѣетъ, только въ щели нѣкоторыхъ запертыхъ лавокъ мелькаетъ красноватый огонь, да колотушка или трещотка полусоннаго караульщика - китайца звонко стучитъ дробнымъ деревяннымъ стукомъ изъ какого-нибудь темнаго закоулка.

Но вотъ, недалеко отъ улицы китайскаго базара, которая съ двухъ сторонъ обсажена ветлами, слышны однообразные удары въ какой-то бубень и дребезжаніе металлическихъ струнъ, туда бѣгутъ дѣти разныхъ возрастовъ и племенъ, спѣшать верхомъ туземцы. Проѣхала и извозица линейка; едва пробираясь шагомъ въ тѣсномъ пространствѣ подъ ветлами; на линейкѣ русская дама съ дѣвочкой въ соломенной шляпѣ и малороссійскомъ платицѣ. Цѣль общаго стремленія китайскій театръ, устроенный въ концѣ улицы близъ кумирни. Большіе треугольники изъ разноцвѣтной бумаги, съ крупными китайскими буквами, развѣшаны на веревкѣ, протянутой между деревьями и колеблемые вѣтромъ, замѣняютъ афиши.

Представленіе въ ходу: китайская рѣчь актеровъ, которую понимаютъ не многіе, заглушается часто хохотомъ публики, обступившей кругомъ подмостки, — тотъ-въ-точь какъ у насъ на балаганахъ. Музыка помѣщается тутъ же на сценѣ. Два китайца, одѣтые женщинами, похаживаютъ взадъ и впередъ, обмахиваясь вѣерами и говорятъ нараспѣвъ. Они возбуждаютъ общій смѣхъ, когда быстро превращаются въ мужчинъ, или падаютъ, продѣлывая тѣ же фарсы, какъ и всѣ балаганные лицедѣи. Вообще представленіе однообразно. Гораздо интереснѣе былъ разговоръ двухъ кумушекъ, стоявшихъ тутъ же въ толпѣ въ клѣтчатыхъ пестрыхъ платкахъ-шаляхъ, столь знакомыхъ каждому уѣздному русскому городу.

— Капусту-то будете нонче солить?

— А что, неужели ужъ Кульджу-то сдавать собираются, развѣ слышали что про китайцевъ?

— Да, говорятъ весною придутъ.

— И какъ это съ ними переговоры ведутъ, вѣдь они, прости Господи, десятирукому истукану поклоняются.

— Отъ этого ему, матушка, и удача во всемъ, нынче онъ ужъ и казака пересталъ бояться; наемни кашгарецъ у насъ рассказывалъ, что они у нихъ тамъ похваляются всю Сибирь за себя отобрать.

— А слышали вы, когда звѣзда - то эта съ хвостомъ проявилась, — такъ китайская-то царица...

Взрывъ хохота около китайскаго балагана прервалъ разговоръ на самомъ любопытномъ мѣстѣ, и онъ болѣе не возобновлялся.

Съ рѣшеніемъ участи Кульджи, здѣшніе китайцы оперились и подняли головы; у нихъ происходили разныя радостныя манифестаціи, которыя начинались даже ранѣе, такъ сказать, преждевременно, за что имъ не разъ доставалось. Мужчины, между прочимъ, совсѣмъ не такіе узкоглазые, какъ привыкли ихъ считать, еще усиленнѣе закурили опиумъ, потребление котораго здѣсь сильно развито, такъ же какъ у мусульманъ куреніе гашиша, по здѣшнему ганаша, который они готовятъ изъ дикой конопля.

Замѣчательно, что политика отражается и въ дѣтскомъ мірѣ. Китайскія дѣти стали недружелюбнѣе относиться къ русскимъ, высовывая языки и гримасничая, что прежде боялись дѣлать, — это за уступку Кульджи. Нерѣдко увидишь двухъ сцѣпившихся, какъ пѣтуховъ, китайченка и сарта, а съ ними иногда и какого-нибудь Ванюшку или Егорку, принимающаго сторону таранчинца.

Мы послѣдній разъ взглянули съ грустью на эти знакомыя мѣста.

Прощай Кульджа!

А. Сумароковъ.